

в сумраке голубом
комья сырой земли
над побелевшим лбом
прошлое не соврёт
старой любви гонец
будет и мой черёд
будет и мой венец
выцветшее тряпье
ляжет под образа
смерть придёт
у неё
будут твои глаза

* * *

здесь нет тебя
и всё же ты повсюду
в промозглых нагоняющих простуду
вечерних сквозняках в земле в золе
в сырой листве на лобовом стекле
здесь нет тебя
и всё же ты везде
расходишься кругами по воде
подсвеченной случайными огнями
мелькаешь укороченными днями
то в золоте бульваров
то в серебре
дождя то в детских криках во дворе
вновь как тогда подходят холода
здесь нет тебя
но как же нет когда
под фонарём сквозит и ветвь сухая
колеблется от частого дыханья
и надо мной
за мной
передо мной
звучит твой прежний голос неземной

И тогда они наконец приходят...

И. Ермакова

...а когда на четырёхметровой
кухне от бессилья заскулишь:
мол, опять перебивать по новой,
мол, болеет, а туда же – ишь,
весь в отца, до ночи колобродит,
нет ни сил, ни ласки-доброты... –
вот тогда они к тебе приходят,
раздвигают высохшие рты,
у стены на корточках садятся –
прах из позаброшенных могил:
– Что ж ты, внучка, выросла за цаца,
пьёшь и спишь – и не хватает сил?
В тишине ночной многоголовой
не жалей, не плачь, не кипиши.
А мальчишка у тебя фатовый,
Мы б в таком не чаяли души...
И вливает месяц из тумана
В тесные панельные углы.
Чёрные отроги Джекказгана.
Ледяные зори Джелгалы.

* * *

А на одном краю – тот самый месяц,
который, помнишь, в обруче мороза
над белой кристаллической равниной,
а нынче – над окраиной Москвы:
резьбой многоэтажек, проводами,
вонзившимися в небо, облаками,
лежащими на сгорбившихся крышах,
дворами без сугробов и травы.

А на другом краю – твоя могила,
под белой липой,
нет, под голубую
притихшей елью – там стрекохут белки
и маются в июне соловьи.
Вокруг кресты, планеты, звёзды, стрелки.
И ветки ели с тёмною резьбою
ложатся, будто женские ладони,
на плечи одинокие твои.

* * *

НЕ ВСПОМНИТЬ НИПОЧЁМ
НИ СНА

НИ ОТГОЛОСКА
А НАД ТВОИМ ПЛЕЧОМ
ЗАКАТНАЯ ПОЛОСКА
АЛЕЕТ СКВОЗЬ ЛИСТВУ
КАК СКВОЗЬ СОЦВЕТЬЕ – ЗАВЯЗЬ
И Я ТЕБЯ ЗОВУ
ЗОВУ

НЕ ДОЗЫВАЯСЬ
ПРОБИВШИМСЯ КЛЮЧОМ
ВДОЛЬ ТОЛЩИ АММОНИТА
...ПО-НАД ТВОИМ ПЛЕЧОМ
ИЗ СЕРОГО ГРАНИТА.

* * *

Шёл месяц март, и тот из нас, кого
мы через три недели хоронили,
ещё не знал о смерти ничего
и был по эту сторону,

в горниле
сияющем не плавился, в печи
не рассыпался прахом и над прахом
не воспарял; и в горестной ночи,
собравшись здесь, ещё не вопрошаюмъ
клубящуюся паром пустоту
(сигнал потерян,

больше нет сигнала),
ни чёрную железную плиту:
откликнись, чтобы я тебя узнала, –
колеблющимся воздухом, толчком
подземным, дымным маревом над крышей...
Шёл месяц март, и тот из нас, о ком,
всё тише был,

всё выше плыл,
всё выше.

только та же церковь белая
наклоняется к воде
только та же птица белая
бьёт крылами по воде
только те же крики чайчи
отзываются в волнах
облака плывут, качаются
точно лодки на волнах
только тот же звон под куполом
сколок смальты голубой
те же голуби под куполом
никого теперь с тобой
возле илистого берега
что хранит твои следы
кроме облака и берега
кроме ветра и воды